

А.Д. Сухов

Философ ли Л.Н.Толстой?

Толстой как писатель был принят сразу. Уже первая его повесть, «Детство», была оценена высоко, и ему было предсказано большое литературное будущее. Слава его в литературной среде и у читателей с годами все более росла. Он стал классиком при жизни. Все сходились во мнении, что Толстой — писатель великий.

Иным было отношение к Толстому-философу. Правый лагерь его философию не только не принимал и отвергал — он ее преследовал. Его сочинения с философским содержанием, как правило, в России не пропускались цензурой, не публиковались и искали путь к соотечественникам через зарубежные издания, а также при помощи списка, пишущей машинки, гектографа. Некоторые из них сделала более доступными первая русская революция, другие оставались под запретом вплоть до 1917 г. За распространение и даже хранение их можно было поплатиться арестом, судом, тюрьмой, каторгой. В правой печати против идей Толстого велась шумная пропагандистская кампания, нередко сопровождаемая грубой бранью. В адрес Толстого шли письма, авторы которых за несогласие его с существующими социальными порядками и православием угрожали ему расправой. В 1901 г. Толстой был отлучен от церкви.

Однако философия его не вызывала сочувствия и слева. В обстановке революционных и предреволюционных ситуаций начала XX в. казались весьма сомнительными и совсем несвоевременными идеи Толстого о непротивлении, всеобщей любви и т.п. Систему его воззрений В.И. Ленин считал утопичной и реакционной «в самом точном и в самом глубоком значении этого слова»¹. Ленин находил в его учении проповедь «новой, очищенной» религии, культивирование «самой утонченной» поповщины. Согласно

Г.В.Плеханову, Толстой вообще был «крайне слабым мыслителем». Плеханов утверждал, что он «остался в стороне от нашего освободительного движения», что его идеология «идет вразрез со всеми прогрессивными стремлениями нашего века»². Выступления Ленина и Плеханова не остались, разумеется, без последствий для историографии, имевшей отношение к толстовскому наследию.

Философия Толстого оказалась между двух огней.

Не содействовали распространению идей Толстого также некоторые из тех, кто считал себя наиболее последовательными его приверженцами. Были такие, которые опрощение, проповедуемое учителем, доводили до того, что переставали стричься и ходили голыми (у толстовцев появилось особое течение — голисты). Доброе отношение к животным сопровождалось отказом от употребления мяса, молока, шерсти, кожи. Так называемые ручники (все производство осуществлявшие исключительно собственными руками) не использовали лошадей при перевозках и на пахоте. Нашлись и такие, которые отвергали военную службу даже во времена фашистского нашествия.

В последние 7—8 десятилетий не было каких-либо запретов на философские сочинения Толстого. Все они опубликованы в 90-томном полном собрании его сочинений. Но тираж их невелик, собрание это имеется лишь в крупных библиотеках, тома его на дом не выдаются. Читают эти философские произведения немногие. Обращаются к ним преимущественно те, кто специально занимается творчеством Толстого. В общем, философия Толстого осталась невостребованной.

Справедливо ли это?

Сам Толстой считал, что его философское творчество не менее значимо, чем художественное.

Интерес к философии пробудился у него рано. Во второй части трилогии, «Отрочестве», как и в других ее частях, получили отражение события и размышления, имеющие автобиографический характер. Толстой вспоминал здесь, что где-то к 14—16-ти годам «все отвлеченные вопросы о назначении человека, о будущей жизни, о бессмертии души уже представились мне; и детский слабый ум мой со всем жаром неопытности старался уяснить те вопросы, предложение которых составляет высшую ступень, до которой может достигать ум человека, но разрешение которых не дано ему»³. Задолго до Ф.Мюллера и Э.Геккеля, сформулировавших биогенетический закон, согласно которому индивидуаль

ное развитие организма (онтогенез) в самом общем виде повторяет эволюционный путь, пройденный предками (филогенез), и предвывая последователей биогенетического закона, распространивших его на сферу сознания, Толстой высказывал аналогичные соображения в этой части своей трилогии, над которой он работал в 1852—1854 гг.: «Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума; но что каждый человек более или менее ясно сознавал их еще прежде, чем знал о существовании философских теорий» (2, с. 56). За свои пристрастия размышлять над отвлеченными вопросами Толстой в те годы, о которых он рассказывает, в кругу своих близких и знакомых получил прозвище «философ»⁴.

Во время учебы в Казанском университете он занимается философией уже профессионально. Толстой изучает здесь философию права, берет для разработки тему — сопоставление «Духа законов» Ш.Л.Монтескье и «Наказа» Екатерины II. Работа, которая осуществлялась в марте 1847 г., привела его к выводу, что идеями французского мыслителя императрица пользуется для прикрытия и оправдания государственного деспотизма.

Производя исследование, Толстой убеждается в том, что занятия философией трудно сочетать с тем уровнем, на котором она находится в учебных программах. В апреле 1847 г. он увольняется из университета с тем, чтобы работать самостоятельно. Впоследствии он постоянно противопоставлял собственную философию казенной, «профессорской». Философского же творчества он никогда не оставлял. В 1861 г., когда его литературная деятельность шла к своему зениту, он так характеризует свой режим: «Каждое утро философское, вечер — художественное» (48, с. 82).

В 1863—1869 гг. Толстой создает свое величайшее произведение, публиковавшееся сначала частями, а затем полностью, роман «Войну и мир». Это работа не только художника, но и мыслителя, философа. По структуре своей произведение это — единственное в своем роде. Тексты, созданные беллетристом и философом, чередуются между собой, образуют чересполосицу. Автор время от времени прерывает свой рассказ, чтобы порассуждать о причинах исторических событий, роли в них государственных деятелей и народных масс, о значении власти, выска

зять свое мнение о различных философско-исторических концепциях, созданных на сей счет, поднять вопрос о свободе и необходимости.

В издании 1873 г. Толстой, возможно, учитывая советы некоторых критиков, в частности Н.Н.Страхова, снял часть этих рассуждений, а из другой их части образовал особый трактат, ставший приложением к роману. В 1886 г. все эти философские фрагменты возвращаются на свои прежние места и впоследствии уже никогда не покидают их. В самом деле: взятые отдельно, не подкрепленные эмпирическим материалом, они воспринимаются несколько отвлеченно, абстрактно, а повествование, в свою очередь, лишается теоретических обобщений, позволяющих глубже вникнуть в суть разворачивающегося действия. Собственно говоря, «Война и мир» — целостный философский роман, повествующий о происходящем то в образной, то в понятийной форме.

С конца 70-х — начала 80-х гг. философия становится для Толстого уже главным делом, хотя он, естественно, не оставляет и литературы. Его теперь, как об этом свидетельствует он сам, «больше всего занимает философия» (53, с. 232).

Таким образом, один из наиболее сильных умов человечества трудился в философской сфере более 60-ти лет.

Толстым написана целая серия философских монографий. Они фундаментальны и по содержанию, и по объему. От книги к книге он логически разрабатывает систему своих воззрений, вовлекает в орбиту рассмотрения новые пласты социальной действительности и общественного сознания, проверяет прежде высказанные соображения на материале, который осваивается вновь.

Толстой написал множество статей на философские темы, в которых или предварял монографическое освещение проблемы, или разъяснял и комментировал положения, высказанные ранее. Большое значение он придавал также дневнику, записным книжкам. Они предназначены не только для личного пользования. Многие тексты, в том числе философского характера, создавались для их последующей публикации. Еще при жизни Толстого из его дневников делались выписки, которыми пользовались лица, занимавшиеся распространением его воззрений. Интерес представляют и письма Толстого, содержащие его философские мнения или прямо адресованные философам. Философично в значительной своей части и его литературное творчество. Помимо суждений о сущности жизни, предназначении

человека, ходе истории, выраженных в художественной форме, произведения его (не только «Война и мир») содержат немало фило-софем — в виде афоризмов, вставных фрагментов.

Летом 1881 г. Толстой завершил свою «Исповедь», которая и положила начало его книгам, посвященным вопросам мировоззрения, философии, этики, эстетики, политики. Он писал в ней, что жизнь привилегированного круга опротивела ему, потеряла для него всякий смысл. Действия же трудящегося народа представились ему единым настоящим делом. Эта принципиальная установка и предопределила взгляды его по всем другим вопросам. Толстой говорил в связи с этим о пережитом им перевороте. Это не означает, однако, что он совершенно иначе стал смотреть на окружающий его социальный мир, оценивать его. Разрывы с прежней системой взглядов и обретения иной известны истории, в том числе русской. Ничего подобного с Толстым в конце 70-х — начале 80-х гг. не произошло. Говоря в «Исповеди» о совершившемся в нем перевороте, он подчеркивал, что переворот этот давно готовился и что задатки его всегда были ему свойственны. Переворот сводился не к отрицанию и разрыву, не к смене одного качества другим, а к переходу количественных накоплений в качественное состояние, неоформленного в оформленное, организации разрозненных и недостаточно выношенных идей в тщательно разработанную систему. Воззрения Толстого не распадаются на такие периоды, которые противоречили бы один другому. Время работало на один и тот же комплекс идей, усиливая его, а не на разные.

Еще в детстве и отрочестве будущий писатель и мыслитель сумел оценить трудовые навыки крестьян, их образный язык, народную песню. Толстой говорил позже, что русский мужик стал его «самой юной любовью». Уже в ранних рассказах о деревне симпатии автора — неизменно на стороне крестьянина, а не помещика. В 1861—1862 гг., в период осуществления реформы, отменявшей крепостное право, Толстой являлся мировым посредником. К этому времени его репутация как человека, держащего сторону крестьян, утвердилась настолько, что это едва не помешало ему вступить в должность. Действия же его как посредника подтвердили худшие опасения владельцев окрестных имений. Обзор документальных материалов, связанных с разбором Толстым тяжб, которые возникали между помещиками и крестьянами, позволяет считать его «истинным народным заступником от грубого произвола помещиков и полицейских

чинов»⁵. И чем более проникался Толстой народными интересами, тем более убеждался в том, что хотя социальные условия, в которых находится крестьянин, крайне тяжелы, он умеет жить, трудиться, переносить несчастья, а когда приходит срок — достойно умирать.

Такой краеугольный камень толстовского учения, как неприятие насилия, также был заложен очень рано. В «Отрочестве» описаны его отношения с гувернером, склонным внести насилие в процесс воспитания, что привело к бурной сцене. «Едва ли этот случай, — считал Толстой, — не был причиной того ужаса и отвращения перед всякого рода насилием, которые я испытывал всю свою жизнь» (34, с. 396).

Представление о том, сколь рано зародился у Толстого религиозный скептицизм, также можно составить на основании того, что об этом рассказано им самим. Из «Отрочества» мы узнаем, что «первый шаг» на пути религиозных сомнений был сделан им в 14-летнем возрасте. Когда перед ним встали общие жизненные вопросы, стало выясняться, что религия не вписывается в его теоретические рассуждения. В «Исповеди» Толстой писал: «Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства, и во все время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили.

Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедывали передо мной большие; но доверие это было очень шатко» (23, с. 1).

В дальнейшем, в процессе религиозоведческих исследований, Толстой подвергал все более обстоятельному критическому рассмотрению основные догматы христианства, его конфессиональной разновидности — православия. Он приходил к заключению, что различные исторические религии, включая православную, не что иное, как суеверия. Правда, сам Толстой утверждал, что он отходит от церкви, чтобы лучше служить богу, а от извращенного христианства отказывается во имя истинного. Но под истинным христианством он понимал сумму нравственных заповедей, свойственных и другим религиям, и признавал не того бога, которых сотворил мир, а такого, который живет в сознании людей. Он полагал, что знать бога и нравственно жить — одно и то же.

Отвергая религии, известные истории, Толстой стремился поставить на их место свою собственную, синонимом которой являлась нравственность. Употребление понятия «религия» не в том значении, которое общепризнанно и общеупотребительно, создавало, конечно, предпосылки для недоразумений и фальсификаций. Толстой «религиозен» подобно Л.Фейербаху, Э.Геккелю, А.Эйнштейну или А.В.Луначарскому, также не отказывавшимся от самого термина «религия», но дававшим ему произвольное толкование, вкладывавшим в него иной, отличный от принятого, смысл.

Работа, имеющая отношение к философии, велась Толстым целеустремленно, без каких-либо особых зигзагов. Он отдавал ей не только много времени, но и сил.

Так, противопоставляя свои взгляды традиционному христианству, Толстой, как говорит об этом он сам, «долго трудился», «выучил богословие, как хороший семинарист» (23, с. 62). Изучив различные катехизисы, послания восточных патриархов, он обратился к сочинениям Петра Могилы, Иоанна Дамаскина, современного ему русского богослова Макария (М.П.Булгакова)... Исследуя «Библию», он пользовался еврейскими, греческими и латинскими текстами, равно как немецкими, французскими, английскими и русскими переводами, выявлял разночтения, делал новые переводы. Чтобы составить себе полное представление о православии, он встречался с Макарием, другими теологами, посещал Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую лавры, Оптину пустынь, беседовал с монахами.

Даже создание книги по эстетике, предмету ему наиболее близкому («Что такое искусство?»), потребовало от него 15-ти лет труда и поиска, размышлений, бесед с писателями, музыкантами, художниками и критиками, проб пера по некоторым частным аспектам темы.

Его сочинения, в которых поднимались проблемы философии, как это и вообще характерно для Толстого, готовились тщательно, неоднократно переделывались на стадии рукописей и набора, так что подготовительные их варианты могут во много раз превосходить текст самой публикации.

За свою долгую жизнь Толстой приобрел огромную философскую эрудицию. Он был знаком со всей философской классикой — от авторов древности до К.Маркса и Ф.Ницше. В ранний период своего философского развития он испытывал сильное влияние Ж.Ж.Руссо. Толстой считал его своим учителем.

Он прочел все написанное Руссо, включая его переписку и «Музыкальный словарь». К творческому наследию Руссо Толстой обращался и позже. В произведениях французского философа его привлекали мысли о равенстве людей, единении человека с природой, критическое отношение к цивилизации, городской жизни. Из мыслителей Запада, помимо Руссо, он особенно выделял И.Канта, А.Шопенгауэра, Б.Спинозу. Л.Фейербаха Толстой находил превосходным, говорил, что он его увлек, советовал перевести на русский язык «Сущность христианства». Р.Оуэну и П.Ж.Прудону он противопоставлял К.Маркса, подчеркивая, что «Маркс старался найти научные основания для социализма»⁶.

Многих русских философов Толстой знал не только по их произведениям, но и лично. Он поддерживал дружеские отношения с Ю.Ф.Самариным, Н.Н.Страховым, Н.Я.Гротом, был знаком с А.С.Хомяковым, Н.Г.Чернышевским, К.Н.Леонтьевым, В.С.Соловьевым, Н.Ф.Федоровым, П.Д.Юркевичем, Б.Н.Чичериным и др. Но не все они были равнозначны для Толстого. «Никто из русских, — говорил он, — не имел на меня, для моего духовного направления, воспитания такого влияния, как славянофилы, весь их строй мыслей, взгляд на народ: Аксаковы — отец и Константин, Иван — менее, Самарин, Киреевские, Хомяков»⁷. Особенно ценил он сочинения Хомякова. Д.П.Маковицкий, секретарь и врач Толстого, один из наиболее близких к нему людей, так передает свои впечатления от беседы с ним о славянофилах: «О славянофилах Л.Н. говорил с воодушевлением, с таким уважением, с каким при мне он не говорил ни о ком, кроме как о русском народе»⁸.

Будучи в 1861 г. в Лондоне, Толстой неоднократно посещал А.И.Герцена. Эти встречи навсегда запомнились ему и вынес он из них немало. О Герцене, беседах с ним, прочитанных его произведениях Толстой с теплым чувством вспоминал до последних дней своей жизни. Высоко ставил Толстой, как философа, К.Н.Леонтьева. Родственным по духу мыслителями находил он Ф.М.Достоевского и П.А.Кропоткина, хотя ни с тем, ни с другим не был знаком лично.

Толстой был одним из немногих русских литераторов, которые обратили внимание на творчество народных теоретиков. «За всю мою жизнь, — писал он, — два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое мирозерцание. Люди эти были не русские поэты, ученые, проповедники, — это были два

живущие теперь замечательные человека, оба всю свою жизнь работавшие мужицкую работу, — крестьяне Сютаев и Бондарев» (25, с. 386).

В.К.Сютаев — крестьянин деревни Шевелино Тверской губернии — свои взгляды излагал устно. Он порвал с церковью, порицал собственность и насилие, прославлял братство и любовь. Известность его вышла далеко за пределы деревни, в которой он жил. В октябре 1881 г. Толстой посетил Сютаева в Шевелино, а в январе 1882 г. Сютаев приехал в Москву и остановился в его доме. Бывал он у Толстого и в дальнейшем. С Т.М.Бондаревым, сосланным в Сибирь (в деревню Иудино Енисейской губернии), Толстой не встречался, но читал его рукописное сочинение «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». «Основная мысль Бондарева та, — считал Толстой, — что закон этот (закон о том, что человек, чтобы жить, должен работать), признаваемый до сих пор как необходимость, должен быть признан как благой закон жизни, обязательный для каждого человека» (25, с. 466). В 18865 г. Толстой вступил с Бондаревым в переписку, которая продолжалась вплоть до смерти последнего в 1898 г.

Хамовники и особенно Ясная Поляна стали своеобразными центрами русской культуры, в том числе — философской, местами паломничества к Толстому. В Ясной Поляне наряду с философами старшего поколения Толстого посещали и философы новой формации — Д.С.Мережковский, В.В.Розанов, Л.Шестов, М.О.Гершензон. Здесь обсуждались самые разнообразные вопросы, происходили диспуты, неформальные семинары. И сам Толстой, и его собеседники немало получали от этих встреч. Один из посетителей, В.В.Розанов, так передавал свое впечатление от философствовавшего Толстого: «Все было высокопоучительно; я почувствовал, до чего разбогател бы, углубился и вырос, проведя в таких разговорах неделю с ним! Так много нового было и в движениях его мысли, и так было ново, поучительно и любопытно наблюдать его. Учился и из слов и из него. Он не давал впечатления морали, учительства, хотя, конечно, всякий честный человек есть учитель, — но это уже последующее и само собою. Я видел перед собою горящего человека, ...бесконечным интересующегося, бесконечным владеющего, о веренице бесконечных вопросов думавшего. Так это все было любопытно; и я учился, наблюдал и учился»⁹.

Итак, философия Толстого — результат продолжительных и кропотливых исследований; предваряют ее и сопутствуют ей изучение трудов предшественников и современников, личные знакомства с многими философами.

Что касается формы его трудов, то она, в сущности, уникальна. Особая, толстовская манера изложения свойственна не только его художественным произведениям, но и философским. Литературная подача материала, яркость и образность языка покоряют читателя и здесь.

Казалось бы, философия Толстого — после того, как политическая конъюнктура, при которой она создавалась, стала достоянием истории — имеет достаточно шансов, чтобы стать популярной. Между тем это совсем не так. Доступ к ней до сих пор затрудняется некоторыми сложившимися о ней стереотипами. Остановимся здесь по крайней мере на двух из них.

Первый относится к концепции непротивления. Путь революционной борьбы за социальные идеалы Толстому был чужд. Он рассчитывал добиться их осуществления мирными действиями. Толстой выражал несогласие и с официальным курсом, и с попытками противодействовать ему методами, ведущими к политической революции. В последовательном решении социальных коллизий Толстой придавал большое значение нравственной проповеди. Насилие же должно быть исключено из социального обихода, так как оно не способно породить ничего, кроме нового насилия. Ему-то и противопоставлялось непротивление.

Толстовская категория непротивления вызвала полемику сразу после ее появления на свет, которая продолжалась и впоследствии. Она была раскритикована слева и справа, окарикатурена и почти единодушно отвергнута.

Непротивление, однако, не понималось Толстым как исключительно пассивное отношение к насилию. При обращении к нему предполагалась целая система мер, нейтрализующих насилие государственной власти: неучастие в существующем строе, в том, что поддерживает его — в армии, судах, податях, «ложном учении» и т.п.

В XX в. такое же понимание непротивления и ненасильственных действий было положено в основу «ненасильственного несотрудничества» и «гражданского неповиновения». То, что подобные представления появлялись и появляются вновь и вновь — свидетельство их неслучайности. Они существуют не только параллельно с воззрениями Толстого, но и испытывают

на себе их воздействие. Они, эти представления, были апробированы социальной практикой, в частности, в Индии в процессе освобождения ее от колониальной зависимости.

Жизненность идей Толстого подтверждается и всемирной историей. Не все революции, ей известные, сопровождались насилием. Были и такие, которые совершались ненасильственно. Таковы феодальные революции. Как и при всех сменах формаций, социальные метаморфозы начинались с формирования элементов нового общества в недрах старого, в данном случае — рабовладельческого. В Римской державе элементами нового способа производства являлись: колонат, когда закабалению подвергались группы прежде свободного населения; перевод части рабов на пекулий — прикрепление их к земельным участкам и передача им во владение некоторой собственности; вольноотпущенничество, когда отпущенный на свободу раб сохранял с патроном отношения личной зависимости. Все эти элементы постепенно образовывали феодальный уклад, противопоставлявший себя классическому рабовладению.

В новом укладе появилась и соответствующая ему религия. Это было христианство, отвергавшее античный политеизм. Своими идеями о равенстве всех людей перед богом, о том, что для него, христианства, «нет ни эллина, ни иудея», представлениями о возмездии на том свете и др. оно оказалось разрушительным для отжившего рабовладельческого строя и его религий. Именно поэтому вопреки веротерпимости, свойственной рабовладельческому обществу, в котором мирно уживались различные языческие культы, оно подвергалось гонениям, временами — жестоким. И все же христианство, отвечавшее историческим потребностям и духу времени, брало верх. К власти приходила феодализирующаяся знать, и христианство становилось официальной, господствующей религией. Никаких насильственных свержений прежних режимов при этом не наблюдалось. Не было ничего подобного взятию Бастилии, гражданским войнам, казням Карла I или Людовика XVI.

Так что решение общественных проблем, даже кардинальных, на путях ненасилия совсем не обязательно относить к сфере социальной утопии. Еще больший простор ненасилию (с его опорой на терпимость, любовь, согласие) имеет и может иметь в быту. Слово Толстого не было брошено на ветер, и голос его звучал не напрасно. Многому может поучиться у него и наш современник.

Но Толстой — что весьма обычно в истории философии — целиком посвятил себя односторонней разработке захватившей его проблемы и чуждался иных, альтернативных к ней подходов. В связи с этим Г.В.Плеханов называл его «чистокровным метафизиком», «метафизиком чистейшей воды»¹⁰. Основания считать его метафизиком — за односторонность — были, но с тем, что Толстой метафизик «законченный», согласиться нельзя.

Постепенно, но все в большей мере, Толстой убеждался, что полное ненасилие в современной ему жизни не достижимо, что это скорей норма, которой по возможности нужно следовать, идеал, к которому стоит стремиться. Он принимал во внимание критические выступления оппонентов, замечал и несоответствие своих абсолютизированных постулатов практике. «Совершенно справедливо, — признавал он в 1910 г., — что, может быть, трудно воздержаться от убийства ради защиты или прокормления, справедливо и то, что трудно воздержаться от убийства гадов и совсем невозможно удержаться от уничтожения жизни насекомых. Все это справедливо, но дело в том, что цель всякой нравственной деятельности состоит никак не в достижении *полного совершенства*, а в *совершенствовании*, т.е. во все большем и большем приближении к совершенству... Как во всякой нравственной деятельности, так и в следовании заповеди: не убий, дело не в достижении полного совершенства, а только в том, чтобы как можно больше приближаться к нему: как можно меньше убивать всяких живых существ, очевидно, прежде всего людей, потом более близких, потом менее близких человеку существ, вызывающих в нас живое чувство сострадания, а потом и насекомых, и даже растения» (90, с. 148—149).

Осуждая насилие, производимое и охранителями, и оппозицией, Толстой не ставил между этими двумя его видами знак равенства. С одной стороны была государственная власть, по его мнению, органически не способная обходиться без насилия, да еще в его исторически отживших, грубо деспотических формах, с другой — ответ на это насилие, стремление противодействовать ему, что «целесообразно». Деятельность революционных сил, хотя она и не встречала у него поддержки, была, как считал он, все же «простительна». К тому же преступления правящих верхов «в сотни раз» превышают то, что совершается революционерами. «Насилие правительства и воров одинаковое, но насилие революционеров особое», — подчеркивал он (56, с. 307).

Последовательно воплотить учение о непротивлении ему не удалось даже в собственном быту. Конечно, не могло быть и речи о каких-либо действиях с его стороны, которые шли бы вразрез с его идеями. Но эффективность этих идей оказывалась — и нередко — сомнительной. Он пытался «бороться любовью», но борьба эта не была успешной. Незадолго до ухода из Ясной Поляны Толстой записывал в дневнике («для одного себя», 27 сентября 1910 г.): «Как комично то противоположение, в котором я живу, в котором, без ложной скромности, вынашиваю и высказываю самые важные, значительные мысли, и рядом с этим: борьба и участие в женских капризах, и которым посвящаю большую часть времени» (58, с. 138). При семейных сценах Толстой, вопреки намерению хранить безграничное терпение, временами терял его; он констатировал, что «экзамена не выдержал», назначал себе «переэкзаменовки» и вновь проваливался. Невольно вспоминались даже, хотя он и испытывал при этом недовольство собой, заветы житейского крестьянского кодекса о том, что «бабу надо учить»...

Недоразумения возникли и по поводу отношения Толстого к цивилизации, ее проявлениям — науке и искусству. Бытует мнение, что Толстой, по крайней мере в поздний период своей жизни, все это отрицал, считал ненужным. отождествляют при этом идейные позиции Толстого и Ж.Ж.Руссо, мыслителя, философский авторитет которого Толстой признавал. Как известно, Руссо руководствовался принципом, что мир, первоначально совершенный, был испорчен руками человека. Сам Толстой заявлял в связи с этим: «Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница» (55, с. 145). Толстой отрицал не всякую цивилизацию, а лишь ту, которую он называл лжецивилизацией. Эта лжецивилизация и сопутствующие ей «мнимая наука» и «извращенное искусство» вместо того, чтобы служить народу, беспринципно обслуживают лишь верхушку общества. «То, что называют цивилизацией, — писал Толстой, — есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это, или дурно. Это есть, — в нем жизнь» (55, с. 145).

Многие произведения русских философов, а не одного Толстого, испытали на себе превратности судьбы. Не жаловала их цензура. Некоторые из них долго лежали в рукописях и, появившись на свет, вынуждены были включаться в иной философский контекст, контактировать с идеями, высказанными

позже, воздействовать не на ту философскую среду, при которой они создавались. Были и другого рода работы. Содержа в себе некоторые традиционные начала, консервативные и охранительные, или подозревая, что таковые им свойственны, они подвергались остракизму со стороны передового общественного и философского сознания, включались им, по выражению Н.А.Бердяева, в своего рода индекс осужденных книг, не проходили уже не официальную, а общественную цензуру, в результате чего читатель сторонился их сам. Но никто, кажется, кроме Толстого, не подвергался столь жесткому натиску, который шел бы сразу с двух сторон.

На сегодняшний день несправедливости, прежде допущенные в отношении русской философии, в значительной мере исправлены. В свое время были широко изданы сочинения опальных материалистов, в последние годы — идеалистов, религиозных мыслителей. Не восстановленными в своих правах остаются основные философские произведения Толстого. Думается, что пришло время философскому сообществу позаботиться и о них: собрать воедино и сделать доступными для большого круга читателей.

Примечания

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 103.

² Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения: В 5 т. Т. V. М., 1958. С. 613, 620, 638.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 2. М., 1935. С. 56. Далее ссылки на это собрание даются непосредственно в тексте с указанием лишь тома и страницы.

⁴ См.: Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1826 по 1855 год. М., 1954. С. 170.

⁵ Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 204.

⁶ См.: Яснополяские записки Д.П.Маковицкого. Кн. 2. 1906—1907. М., 1979. С. 286.

⁷ См.: Там же. С. 107—108.

⁸ Там же. Кн. 1. 1904—1905. М., 1979. С. 280.

⁹ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 322.

¹⁰ Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения. Т. V. С. 623, 640.